

Денис Соколов

---

*Корпорация
«Просперити»*

Денис Соколов

Корпорация «Просперити»

«Издательские решения»

Соколов Д. Т.

Корпорация «Просперити» / Д. Т. Соколов — «Издательские решения»,

Когда правительство решило консолидировать активы олигархов в мегакорпорацию, контролирующую большую часть российской экономики, юристу, отвечавшему за подготовку документов, удалось сбежать с акциями за границу. Незадолго до своей гибели он переоформил акции на свою бывшую подругу, которая помимо своей воли оказалась заложницей этого капитала. Действие происходит в Москве, Амстердаме, Исландии и Лондоне.

Содержание

Лампочка Ильича	6
На темной стороне	12
London calling	26
Преследователь	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Корпорация «Просперити»

Денис Тарасович Соколов

© Денис Тарасович Соколов, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Действие происходит в наши дни, но сюжетные линии и воспоминания героев неоднократно возвращают читателя в девяностые годы, в эпоху залоговых аукционов, в те времена, когда создавались олигархические состояния, а также в годы финансового кризиса 2008—2009.

Когда правительство решило консолидировать активы олигархов в мегакорпорацию, контролирующую большую часть российской экономики, юристу, отвечавшему за подготовку документов удалось сбежать с акциями за границу. На поиски были брошены агенты службы безопасности, сотрудники спецслужб и специалисты по компьютерной слежке.

Незадолго до своей гибели он переоформил акции на свою бывшую подругу, которая помимо своей воли, оказалась заложницей этого капитала. Для того, чтобы остаться в живых, ей пришлось привлечь на свою сторону иностранных банкиров, опального олигарха и ведущих финансовых аналитиков. Действие происходит в Москве, Амстердаме, Исландии и Лондоне.

В книге реальные истории из российского и международного бизнеса вплетены в увлекательную сюжетную канву. Описана характерная московская жизнь 2010 гг и нравы международных деловых кругов.

Лампочка Ильича

«Крупный бизнес Крупенина больше не крупный» – кричал заголовок на первой полосе деловой газеты. Газета лежала на самом краю стола, немного свисая с него, того и гляди упадет прямо в мусорную корзину. К ней так никто и не притронулся с самого утра, когда секретарша отдела ценных бумаг принесла ее Тимуру вместе с десятком разных конвертов. Корреспонденцию Тимур просмотрел сразу и без колебаний отправил в корзину. Некоторые письма даже не понадобилось открывать. Бумажная почта в последние годы приносила либо рекламный мусор, который не стоил внимания, либо официальные документы. Они почти всегда сулили неприятности, но, к счастью, приходили нечасто.

К вечеру на пустом столе осталась только эта газета. Тимур был человеком аккуратным и ненавидел, когда на его рабочем месте скапливались бумаги. Тем более что коллега за соседним столом, наоборот, складывал все бумаги в стопку до тех пор, пока бумажная башня не сползала на стол Тимура. С неизбежным хаосом приходилось мириться, но сам он всегда старался сохранять порядок и во всех делах, и в особенности на столе.

Вчера Вика, с которой они встречаться всего неделю назад, спросила, чем он занимается. Они лежали в постели, когда вдруг девушка повернулась к нему:

– Слушай, а чем, вообще, ты по жизни занимаешься?

Тимура резануло это «по жизни». Московский мальчик из хорошей семьи, он не любил бессмысленные словесные конструкции. Как можно заниматься «по жизни» или «не по жизни», он не понимал.

Задумался, помолчал немного и сказал:

– Я противостою хаосу во всех его формах.

Представил себе соседский стол и ухмыльнулся.

Вика хмыкнула.

– В полиции, что ли, работаешь? Ты вроде слишком замороченный для полицейского.

Несмотря на небольшую разницу в возрасте, нас разделяет бездна, подумал Тимур. У Вики порядок ассоциируется только с полицией. Абстракции ей неведомы.

Наутро, собираясь на работу, Тимур понял, что с Викой больше не увидится. Такое случилось не впервые. К своим тридцати семи он так и не завел семью. Вика, похоже, тоже не была расположена к продолжению. Она молча сидела за столом, погруженная в свои мысли, и даже не подняла глаза, когда Тимур уходил.

Тимур бросил взгляд на газету, нависшую над корзиной, и усмехнулся про себя. «Печатная пресса стремительно превращается в мусор» – подумал он. Но заголовок его заинтересовал, и, смахнув, наконец, газету в мусор, он открыл сайт газеты, чтобы прочитать статью. Речь в ней шла о планах олигарха Крупенина поменять структуру своего холдинга, показатели работы которого оказались хуже ожидаемых.

Тимур все это и так прекрасно знал. Ничто не связывало скромного инвестиционного аналитика с одним из самых богатых людей страны, но именно провал крупенинского бизнеса стал первым шагом к концу карьеры Тимура.

Ему давно уже не нужно было доказывать и себе и другим собственную профессиональную состоятельность. Он писал отчеты с легкостью, выдававшей недюжинный опыт. Его тексты были в меру ироничны и по-своему художественны, хотя оценить это могла лишь пара десятков коллег. Он прекрасно ладил с цифрами, которые сами раскрывали ему свои тайны и закономерности.

Но недавно эта безупречная машина сломалась. Он начал совершать одну ошибку за другой. Нет, Тимур никогда не считал себя выдающимся прогнозистом. Чтобы заглядывать в буду-

щее, все-таки нужны немалая смелость и интуиция, а Тимур больше полагался на логику и знания. Но ошибиться в прогнозе три раза подряд – это что-то из ряда вон выходящее даже с точки зрения теории вероятностей, которую так ценил Тимур. И, самое ужасное, никак не удавалось понять причину ошибок. Уже три квартала данные просто кричали о грядущем росте акций. Он почти физически ощущал мощную волну, которая непременно должна подтолкнуть рынок к росту. На это указывало все, вообще все, и как Тимур ни пытался, ни единого аргумента против он не нашел. Но третий раз подряд квартал завершался снижением. Коллеги и клиенты, которые смотрели на Тимура косо после первого промаха и возмущались после второго, теперь даже перестали высказывать недовольство. Это было хуже всего.

За крупнинскими компаниями аналитик следил уже пять лет, с самого кризиса, не пропуская ни одного отчета, ни одного слуха. Он знал о них почти все, может быть, знал даже больше тех, кто управлял этим бизнесом. Он был уверен, что в этом году прибыль компаний будет выше ожидаемой. Инвестиции предыдущих лет, обновление оборудования на заводах, выгодные кредитные линии наконец должны принести результат, и по капитализации холдинг встанет в один ряд с крупнейшими промышленными корпорациями мира. Тимур настоятельно рекомендовал вкладываться в Крупенина. Он ожидал, что за год цена акций может удвоиться. И вдруг, как гром среди ясного неба, годовой отчет, в котором вместо огромной прибыли – убытки. Акции рухнули, и не только из-за плохих данных, но еще и из-за того, что кто-то целенаправленно играл на понижение. Те, кто последовал совету Тимура потеряли немалые деньги.

А сам он – безупречную репутацию: некоторые клиенты начали подозревать его в недобросовестной игре, в том, что он водит их за нос. Эти намеки особенно ранили Тимура, всегда щепетильного в вопросах профессиональной этики. Коллеги считали, что он «перегорел», но не подавали вида. Сам Тимур понимал, что его дни в этом банке сочтены. Скорее всего, начальство просто ждет, пока страсти улягутся, и его можно будет уволить по-тихому: немедленное избавление от оскандалившегося аналитика лишь укрепит клиентов в их подозрениях. Поэтому нужно выждать, ведь ни один банкир не любит шума. Ну ему самому после серии таких провалов репутации уже не спасти, он так и останется тем парнем, что облегчил кошелек клиентов на пару десятков миллионов. Этаким русский Джером Кервель. Даже если кто и понимает, что это просто трагическая случайность, он все равно никогда не рискнет пригласить в команду неудачника. Деньги любят только везучих.

Но больше, чем грядущая безработица, Тимура беспокоило другое: он по-прежнему не понимал, что происходит. В конце концов, голодная смерть в Москве в наши дни никому не грозит. Может, он разучился делать правильные выводы и мозги, пятнадцать лет служившие ему верой и правдой, забастовали? Тогда действительно пора менять работу.

Он вспомнил, как 15 лет назад впервые увидел, как из разрозненных цифр и фактов выстраивается сложный и прекрасный мир, создаются смыслы и составляются сценарии, которые потом воплощаются в реальность. В этом мире все события и люди связаны невидимыми нитями, и внимательному наблюдателю открывается, как работают все эти тонкие связи.

Тогда он, студент-старшекурсник, устроился стажером в компанию «Депо», одну из многих, занимавшихся всем, что «не противоречило уставу компании» и более или менее соответствовало действующему законодательству молодой Российской Федерации в самом в широком его толковании.

На собеседовании ему не задали ни одного вопроса. Секретарь провела в кабинет. Мужчина лет тридцати, в свитере, протянул руку.

– Алексей Данц.

– Очень приятно, меня зовут Тимур Муратов...

– Отлично, приходи завтра к 9 прямо ко мне. Пока!

Это уже потом, много лет спустя, Тимур узнал, что прием на работу – длительный и сложный процесс, что иногда приходится устраивать множество встреч сотрудников кадровой службы с руководством компании, чтобы все эти люди смогли наконец принять решение о найме нового сотрудника. В корпорации «Депо» все было иначе.

На следующее утро Тимур с изумлением наблюдал, как офис наполняется хорошо одетыми, уверенными в себе людьми. Ему казалось, что он попал в голливудский фильм. Это был другой мир, не похожий на то, что он видел до сих пор в своем радиотехническом институте. В огромном помещении было десятка три рабочих мест, за которые рассаживались молодые мужчины и девушки. Их голоса сливались в гул, похожий на гул мотора, который пока работает на холостом ходу, но вот-вот включится передача и огромная машина двинется в путь. Много позже именно по характеру шума утром в офисе он научится определять истинное состояние дел в компании. В любой компании: теперь он безошибочно угадывает, катится ли фирма под гору или движется к вершинам, лишь раз побывав в офисе. И это нередко помогало ему на поприще финансового аналитика. Поэтому он всегда старался напроситься на встречу в офис компании, которую изучал. Но тогда, пятнадцать лет назад, он просто стоял у дверей, пораженный.

– Привет! – обратился к нему вчерашний собеседник. – Как тебя зовут, напомни, пожалуйста?

– Тимур.

– А, точно! – он четыре раза громко хлопнул в ладоши, гул вдруг стих и все повернулись в сторону входной двери.

– Ребята! Представляю вам нашу восходящую звезду, Тимура. Прошу любить и жаловать. Марина, проведи экскурсию нашему гостю.

С этими словами он вышел из комнаты.

Воспоминания натолкнули Тимура на мысль, пожалуй, лучшую за весь сегодняшний долгий и бесплодный день. Он открыл Фейсбук и быстро нашел Алексея Данца в списке контактов. Они не виделись уже почти десять лет, но социальная сеть моментально соединила его с бывшим наставником.

«Добрый вечер, Алексей».

Даже в чатах Тимур старался быть предельно вежливым. Зачем нужны хорошие манеры, если ими не пользоваться, хотя бы и в электронной переписке, если уж личное общение стало роскошью? К тому же до сих пор, общаясь с Данцем он испытывал чувство, близкое к благоговению. Люди из эпохи залоговых аукционов, ГКО и кредитов Минфина стали легендой в мире бизнеса. Не бойцы в малиновых пиджаках, о которых обыватели рассказывают анекдоты, а государственные каналы снимают трогательные сериалы, а те, кто на самом деле стоял у истоков корпоративного управления в стране, очнувшейся от госплана как от тяжелого похмелья.

«Привет, как жизнь?» – Алексей был все так же быстр, как тогда, в «Депо».

«По-разному. Ты в Москве?».

Тимур сам до конца не понимал, зачем ему Алексей.

«В Москве. Не хочешь завтра встретиться с утра? Например, в Старбаксе на Тверской...».

Алексей будто бы читал мысли Тимура.

«Конечно. В восемь?».

«До встречи».

Странно, но Тимуру полегчало, и он засобирился домой.

На второй день работы в корпорации «Депо» Алексей вызвал его в кабинет и дал задание подготовить проект постановления правительства о повышении таможенных пошлин на кури-

ное мясо. Тимур был немало озадачен: ему, студенту-старшекурснику, поручают готовить такой серьезный документ? Алексей невозмутимо объяснил, что чиновникам не до регулирования рынка, они заняты своими личными делами, поэтому коммерсантам приходится все делать самим. И что хорошо для страны, то хорошо и для корпорации «Депо». К тому же госслужба так влияет на интеллектуальные способности, что даже самый талантливый чиновник к пятидесяти годам становится не умнее среднего толкового студента. Поэтому, если Тимур научится изъясняться на канцелярите, никто не заметит, что текст написан старшекурсником.

– Вот тебе стопка других постановлений. Посмотри, как они написаны, и сделай свое.

Тимур поинтересовался, зачем компании «Депо», которая, как он уже успел узнать, в числе всего прочего, торгует американской курятиной, повышение пошлин. Казалось бы, должно быть наоборот.

– Вот и чиновники так же рассуждают, – ответил Алексей. – Им кажется, что торговцам нужно купить подешевле, а продать подороже. Но современный мир гораздо сложнее, и все не так очевидно. Неважно, какие у тебя цены, важно, чтобы они были ниже, чем у конкурентов. А у нас главные конкуренты – холдинг «Восток», слышал про таких?

Конечно, Тимур слышал. С экрана телевизора не сходила реклама с кадрами из любимого всеми старого фильма: Абдулла обещал заплатить золотом, а таможня давала ему добро. В конце, конечно, крупный план красноармейца Сухова, слоган «Восток – дело тонкое!» с акцентом на слове «Восток» и логотип одноименного холдинга. Учитывая особые отношения холдинга именно с таможней, ролик даже нельзя было назвать двусмысленным. Он был сделан с характерной для того времени обезоруживающей прямоотой, граничащей с цинизмом. Всего неделей ранее газеты сообщили, что Таможенный Комитет России наградил корпорацию «Восток» специальным призом за особый вклад... Формулировка была длинной и сложной, но никто не сомневался, куда именно этот вклад был сделан. В общем, похоже, конкуренты у «Депо» влиятельные.

– Так вот, – продолжил Алексей, – они везут курятину, как и мы, но на таможе говорят, что она стоит у них 1 цент за килограмм. Таможенники, ребята доверчивые, особенно когда дело касается «Востока», берут десятипроцентную пошлину с этого цента и не задают вопросов, почему в штате Оклахома кур продают за бесценок, а договоры и накладные пишут на русском языке. И тут же идем мы с нашим нормальным контрактом, по полдоллара за килограмм, и платим те же десять процентов. Пока что спасает, что у «Востока» менеджеры воруют на каждом шагу, поэтому в итоге цена продажи у нас одинаковая. Но теперь предлагаем правительству ввести фиксированную пошлину. То есть не 10 процентов от стоимости контракта, а 10 центов с каждого килограмма. Конечно, чиновники скорее всего войдут во вкус и будут повышать пошлины и дальше. Но мы-то тем временем пару птицеводческих хозяйств купим и вообще не будем зависеть от импорта.

Напоследок Алексей велел Тимуру перебраться к нему в кабинет. Стол в маленькой комнатке помещался только один – так и вышло, что полгода Тимур просидел за одним столом с начальником. И уже через пару недель был в курсе всех дел компании «Депо» – самая эффективная форма коммуникации с руководством, никакие совещания, планерки и презентации не шли ни в какое сравнение.

Погруженный в мысли о том, что ему как аналитику неплохо было бы посидеть хоть недельку в кабинете председателя правления банка, Тимур вызвал лифт. И пока пытался представить себе, как среагировал бы его нынешний шеф на такую странную идею, дверцы лифта открылись.

В нем была девушка, которая, кажется, работала этажом выше, в аудиторской компании. Тимур не знал, как ее зовут, – неписанный корпоративный этикет исключает знакомства в лифтах, поэтому, встречаясь случайно, они лишь здоровались и вежливо улыбались. Как обычно,

он кивнул спутнице – и обратил внимание, что сегодня у нее явно был не лучший день. Она старалась не давать волю эмоциям, но не заметить предательскую красноту вокруг испуганных глаз было невозможно. Тимур было подумал спросить, в чем дело, но не стал: тот же самый неписанный этикет не позволяет замечать слабости коллег. К тому же и у него самого день не задался.

– Да, ну и денек, – лишь сказал Тимур.

– Да уж! – ответила девушка, грустно улыбнувшись.

Они вышли из лифта и, кивнув друг другу на прощанье, разошлись.

Плотно закрытые шторы не пропускали в кабинет свет с улицы, поэтому было непонятно, какое сейчас время суток. Казалось, здесь навсегда поселился сумрак. Владелец кабинета сидел за столом, освещенном лишь тусклой настольной лампой. Еще подростком он увидел в старом фильме, как Ленин по ночам писал свои декреты. Тогда он не знал, что такое эти декреты. И от этого эти загадочные бумаги казались еще более важными. Архиважными, как любил говорить герой фильма. Образ вождя, правящего целым миром из-за обычного письменного стола, настолько поразил осетинского мальчика Алихана, что и теперь, полвека спустя, добившись всего, он сохранил его в памяти. Да, на столе стояла та самая ленинская лампа, настоящая. Ее купить оказалось гораздо легче, чем достичь власти и доверия, которое оказывал ему Хозяин. В общем-то он вполне ощущал себя равным вождю мирового пролетариата – тот, как был уверен Алихан, служил немцам и сионистам, а он сам – своему Хозяину. Алихан не считал служение сионистам чем-то недостойным. Наоборот, вовремя сделать ставку на самую большую силу – признак мудрости и залог влияния. Он часто говорил друзьям, что трагедия русского народа в том, что он, этот народ, не умеет достойно служить своим правителям.

Несмотря на то, что даже в официальных рейтингах он значился в числе самых богатых и влиятельных людей страны, ему нравилось думать о себе как о крестьянском сыне. Новым знакомым он любил рассказывать, что может освежевать барана за двадцать секунд. И, заглянув в его холодные глаза, собеседник понимал, что на человека у Алихана или, как он теперь предпочитал называться, Олега Ивановича Гасанова, уйдет разве что на десять секунд больше.

Но сегодня впервые за последние двадцать лет глава Московского Южного Банка чувствовал себя неуверенно. Впервые порученное ему дело могло оказаться невыполненным. И какое дело! До конца, во всех тонкостях хитроумную схему, задуманную и не Председателем даже, а самим Главным, Хозяином, то есть так высоко, что выше и не бывает, Алихан не понимал: один из влиятельнейших людей страны так и остался крестьянским сыном, испытывающим неприязнь к сложным вещам.

Но был уверен, что ничего важнее в его жизни пока не было. Залоговые аукционы и покупка миллиардного предприятия за долговую расписку – семечки по сравнению с нынешней операцией. Да ни в чьей жизни такого не бывало! И как повернулось? Вместо того, чтобы ликовать, Алихан сидит и думает, что где-то по Европе бегают жалкое ничтожество с триллионом долларов в чемодане. К счастью, пока об этом никто, кроме него, не знает. Россияне спокойно спят, не подозревая, что годовой бюджет их родины оказался в руках молодого юриста, которого вот уже месяц преследуют лучшие детективы мира. Поиски уже обошлись банку в десяток миллионов долларов, но ничто по сравнению с тем, что ждет Алихана, если они закончатся неудачей. Ему-то бежать некуда. Человеку, проворонившему триллион хозяйских долларов, нет места на этом свете.

Взгляд Алихана упал на картину, написанную известным художником, – торжественный момент пожертвования генеральным директором холдинга «Восток» денег на восстановление главного храма страны. Художник все правильно понял и центральное место в композиции отвел именно деньгам. Поэтому, вопреки исторической достоверности, на полотне благотворитель передает наличные деньги, доставая пачки долларов из кожаного чемоданчика и выкла-

дывая их на большой золотой поднос, который держит Его Святейшество. Лицо у патриарха одухотворенное и исполненное благодарности, но в передаче черт художник опирался скорее на фантазию, чем на портретное сходство, так что утверждать с уверенностью, кто именно тут изображен, невозможно. Внимательный зритель мог заметить, что на подносе выгравирован логотип холдинга «Восток», то есть даже сам поднос – тоже часть пожертвования. Злые языки говорили, что в дело пошли эскизы к портрету, заказанному колумбийским наркобароном молодому советскому художнику, поехавшему в творческую командировку в горячую точку. К сожалению, именно в момент передачи денег за очередную партию кокаина героя картины убили, портрет остался неоплаченным, а для выставок он явно не подходил.

И вот спустя много лет, когда молодой художник стал уже академиком и самым известным живописцем страны, старый сюжет обрел новое воплощение.

Правда это или нет, известно было только автору, но картина давно стала достопримечательностью кабинета. И те немногие, кому выпала честь побывать в особняке Гасанова в тихом арбатском переулке, потом рассказывали об этом эпическом полотне своим друзьям.

От тревожных мыслей Алихана отвлек телефонный звонок. На экране айфона высветилось имя Бориса Антонова, заместителя начальника службы безопасности Южного банка. Этого звонка он и ждал, но нажать кнопку «Ответить» смог лишь со второй попытки – пальцы предательски дрожали.

– Ну что у тебя?

– Олег Иванович, я его нашел!

– Вот, блядь, молодец! А если бы ты его вообще не терял, цены бы тебе не было!

– Олег Иванович, я взял след! Мне надо лететь в Рейкьявик. Теперь он от меня не уйдет.

– Лети хоть к бесу в жопу. Но если ты не привезешь мне папку, лучше там и оставайся.

Ты понял меня?

– Да, Олег Иванович! Я позвоню сразу, как будут новости.

– Мне не новости нужны, а документы, вошь гебешная!

– До свидания, Олег Иванович.

Разговор с Борисом немного поправил настроение Алихана. Если следы Димы обнаружались, то Борис со своими ребятами его рано или поздно найдет. Лишь бы не слишком поздно.

На темной стороне

Дима дочитал очередной договор и прикрыл глаза. За это утро он просмотрел уже дюжину таких документов – в последние месяцы Московский Южный Банк развил бурную деятельность. Еще полгода назад все было тихо и спокойно – обычные договоры поставки, подряда и так далее, унылая рутина корпоративного юриста. До тех пор, пока его не вызвал сам Олег Иванович Гасанов, председатель совета директоров.

За пять лет работы в «Южном» Дима видел хозяина банка лишь пару раз и никогда с ним не разговаривал. Собственно, возглавляемый им юридический отдел подчинялся службе безопасности и работу его курировал замначальника этой службы Борис Иванович Антонов, отставной чекист лет пятидесяти. Сначала Диму это удивляло, но коллеги рассказали, что во многих структурах, созданных в девяностые, юристы подчиняются именно «безопасникам». Что, в общем-то, вполне логично. Ведь в этом мире права тот, кто сильнее, поэтому суд и юристы лишь фиксируют права, обретенные или утерянные в ходе конфликтов и сражений. А сражения выигрывают службы безопасности.

Поэтому работы у Димы было немного. Вплоть до того памятного разговора.

– Дмитрий Степанович! Здравствуй, дорогой!

Владелец банка – невысокий, седой, – говорил с еле уловимым акцентом. Конечно, Дима прекрасно знал о репутации Гасанова, знал, что его имя внушает ужас доброй половине бизнесменов страны, но не сталкивался с темной стороной босса. Он полагал, что Гасанов специально распространяет такие слухи, чтобы польстить своему восточному самолюбию и лишний раз припугнуть конкурентов. И вот сегодня перед ним сидел обычный человек, который приветливо улыбался, расспрашивая его о работе и о личной жизни. Дима не мог понять, в чем причина интереса к его скромной персоне, и, хотя в глубине души понимал, что Гасанов, блестящий манипулятор, того и добивается, все же почувствовал себя польщенным вниманием.

Дима сам не заметил, как рассказал, что только что расстался с девушкой. Гасанов в ответ посетовал, дескать, не ценят русские красавицы достойных кавалеров, не то что в его время, когда женщины знали, что такое уважение к мужчине. Дима предпочел согласиться с начальством.

Наконец Гасанов перешел к делу.

– Нам с вами, дорогой, предстоит важное дело. Мы хотим провести реструктуризацию бизнеса, чтобы можно было привлекать иностранные кредиты. Поэтому я попрошу вас съездить в Амстердам к нашему адвокату. Он должен зарегистрировать новую компанию, а вы возьмете у него учредительные документы и доверенности, посмотрите, все ли нормально, и привезете сюда. Одна доверенность будет на мое имя, одна на ваше. Думаю, вы понимаете, какое доверие я вам оказываю!

– Конечно, Олег Иванович, я все сделаю, но я боюсь...

– Да, и, конечно, как исполняющий обязанности генерального директора новой компании, вы будете получать зарплату в дополнение к тому, что у вас сейчас.

– Спасибо.

– Вот вам мой номер мобильного, звоните в любое время, Борис передаст вам билеты и командировочные в Голландию. Человека, с которым надо будет встретиться, зовут Лео, вот его визитка.

Гасанов тепло попрощался со своим юристом. Дима чувствовал себя окрыленным. Похоже, его ожидала новая светлая полоса. После болезненного разрыва с Ольгой он сомневался, что в этой жизни с ним еще может случиться что-то хорошее.

Выходя из кабинета, он столкнулся с Борисом Антоновым, который, казалось, ждал его под дверью. Антонов поздоровался и скрылся у Гасанова. Дима забеспокоился: непосредствен-

ному начальнику может не понравиться, что он общается «через голову» с самим Гасановым. Но, с другой стороны, теперь у него есть важное дело, и сейчас Гасанов наверняка рассказывает Антонову о новом поручении.

Отчасти Дима был прав. За закрытыми дверями речь действительно шла о нем, но разговор принял такой оборот, который Дима никак не мог предположить даже в самых ужасных фантазиях.

Уже следующим утром Дима летел в Амстердам. В конверте, который передал ему Антонов, были билеты бизнес-класса на рейс «Аэрофлота», тысяча евро наличными и бронь в «Марриотт». Там же, к немалому удивлению Димы, лежал новый загранпаспорт на его имя с шенгенской визой на полгода.

И вчера же вечером начальница отдела кадров лично принесла ему новый трудовой договор, по которому его зарплата удваивалась. Причем эта обычно заносчивая и высокомерная женщина, которую боялись и ненавидели все в банке, явно заискивала перед ним. В общем, жизнь явно начала налаживаться.

В аэропорт его доставил водитель Антонова, он же пообещал встретить Диму по возвращении. Теперь Дима всерьез опасался, что начальнику не понравится его новый статус. Как все бывшие чекисты, Борис Иванович очень ревностно относился к субординации и статусным играм. Он приходил в бешенство, если кто-то из подчиненных не выказывал достаточного с его точки зрения почтения. Дима побаивался Бориса, и опасения ложились на благодатную почву.

Но пока все складывалось превосходно. Эх, жаль Ольга его сейчас не видит – в салоне бизнес-класса, на пороге нового, блестящего будущего.

Он хотел даже вчера позвонить ей и поделиться ошеломительными новостями. Может быть, им удастся все вернуть, ведь теперь он успешный бизнесмен и может сделать свою женщину счастливой. Потянулся за телефоном, но тот жалобно пискнул и отключился – у современных гаджетов быстро садится аккумулятор. Ну а пока доехал домой, уже забыл о своем порыве. Ольга так и не узнала, что эта его забывчивость, которую она так ненавидела, в конечном итоге спасла ей жизнь.

В Амстердаме все прошло гладко. Дима позвонил по номеру на визитке:

– Я могу поговорить с мистером Лео Пак? – начал он по-английски.

– Конечно, можете! – высокий голос на другой стороне ответил на чистом русском. Вернее, не совсем чистом – в манере говорить угадывались следы одесских интонаций. Только прошу вас, мой дорогой, называйте меня, пожалуйста, Лев Семенович. Господин Пак – это для наших зарубежных друзей! А для нас, русских, пусть будет по имени-отчеству, как в старые добрые времена.

Через полчаса Дима уже звонил в дверь с табличкой Leo Pak and Partners.

Открыл мужчина, который, похоже, и был хозяином офиса.

– Здравствуйте, Лев Семенович, – Дима протянул руку.

– И вы будьте здоровы, молодой человек! Давайте плащ и пойдёмте ко мне.

Лев Семенович повел Диму по узкому коридору вглубь здания.

– В Голландии очень дорогие фасады зданий, особенно те, что выходят на канал. Именно поэтому дома в центре такие узкие и глубокие. Только так можно относительно недорого иметь большой дом в престижном месте. Хитрые голландцы поняли это еще в средние века, а наши до сих пор не могут сообразить, как устроены города. Один мой клиент умудрился купить половину Тверской улицы и просто сдает все в аренду кому попало, и даже не задумывается, как здорово можно было бы все обустроить. Хотя другая половина принадлежит тоже моему клиенту. Боюсь, рано или поздно у меня останется только один клиент, но владеть он будет всей улицей.

Лев Семенович тараторил без умолку. Казалось, ему нечасто выпадает возможность поговорить по-русски, и он от души наслаждался моментом.

– Эти голландцы настолько скупы и лишены размаха, что строят даже дома в несколько метров шириной, лишь бы входная дверь поместилась.

Адвокат говорил очень быстро и практически не меняя интонации, так что Дима даже начал терять нить повествования, но история про клиентов – владельцев Тверской ему понравилась. Он как-то никогда прежде не задумывался, что кто-то ведь владеет всеми улицами, по которым он привык гулять.

Кабинет был странным, битком набитым множеством предметов самого разного назначения из самых разных эпох и стран – огромный глобус, голова лося на стене, старинный шкаф, кожаные кресла. Никаких сомнений в подлинности вещей не возникало, но все вместе казалось ненастоящим. Так в ином московском клубе дизайнер, стилизуя интерьер под советскую эпоху, собирает предметы быта: старые радиолы, приемники, лампы, настольные вентиляторы, но, вырванные из контекста, они теряют свою сущность и превращаются в пустые оболочки, в поддельные елочные игрушки из анекдота (выглядят совсем как настоящие, но не радуют). Вот и этот кабинет скорее походил на декорации к спектаклю или фильму в стиле нуар, где действие происходит в кабинете адвоката.

Под стать кабинету был и его хозяин, человек лет шестидесяти, седой, полноватый, с прищуренными глазами. Одет в твидовый коричневый пиджак, на шее цветной шелковый платок и точно такой же торчит из кармана. Движения суетливы, а бегающие глаза то и дело задерживаются на лице собеседника. От этого взгляда становилось не по себе, словно Лев Семенович знает о нем что-то такое, о чем сам он даже не догадывается. Диме показалось, что сам Лев Семенович такой же ненастоящий, как и его кабинет, и лишь играет роль голландского адвоката среди театрального реквизита.

Хозяин тем временем продолжал делиться откровениями о голландской жизни. Дима терпеливо ждал, когда же он перейдет к делу, но тот с упоением русского туриста, впервые оказавшего за границей, рассказывал, что голландцы так любят хвастаться интерьерами, что не пользуются шторами, и по вечерам город превращается в ярмарку тщеславия и выставку домашнего дизайна, а занавешивают окна в этом городе только иностранцы.

Дима посмотрел на плотные портьеры на окнах и подумал, что Лев Семенович, похоже, не чувствует тут себя своим.

– Так по поводу компании... – начал было Дима, дождавшись наконец паузы в мерном бормотании адвоката.

– Ах да, конечно, вы же здесь не за тем, чтобы слушать мои стариковские бредни. Уж простите, так иногда хочется поговорить с соотечественником! Что касается наших с вами дел, то все, как говорится, в полном ажуре.

Лев Семенович наклонился и принялся рыться в ящике стола.

– Ну, где же она? Ага, вот! – он достал картонную папку, стянутую резинками. На папке было написано Prosperity Inc. Корпорация «Процветание».

В самолете по дороге домой Дима внимательно изучил содержимое папки, но так и не понял, почему босс уделил этим документам такое внимание. Это была обычная «мартышка» или, как ее называли финансисты, SPV – компания, специально созданная для какой-то одной операции. Через руки Димы прошла добрая сотня таких фирмочек с номинальными учредителями, на которые оформлялись различные сделки. Фактически банк «Южный» сам по себе вообще не имел никакого материального имущества, а лишь контролировал пару сотен таких компаний, значившихся владельцами предприятий, зданий и пакетов акций. Вот и сейчас перед Димой лежали документы на компанию, зарегистрированную голландским гражданином г-ном Лео Паком, и две доверенности – на г-на Гасанова и на него, Дмитрия Кузнецова.

Зачем нужно было лететь в Амстердам, если такие документы можно отправить даже «Почтой России», не говоря уж о DHL, Дима так и не понял.

В Шереметьево его встречал сам Борис Иванович Антонов, который настоял на том, чтобы, несмотря на выходной, захватить в офис и оставить документы там. Дима не спорил.

Уже на следующий день закипела работа. В полдень его попросили зайти к Гасанову.

– Здравствуй, *дарагой*, – сказал он, приобняв Диму. Казалось, от избытка чувств у Гасанова усилился акцент. – Ай, как хорошо, что ты вернулся! Мы тут без тебя *савсэм* не можем! Я наконец договорился с Крупениным о покупке его алюминиевого завода, а оформить сделку некому. Так что вот тебе документы, приступай. Покупку оформишь на Просперити.

Вот это да! Кто же в России не знает, хотя бы в общих чертах, как давно Гасанов пытается отжать крупнейший в мире алюминиевый завод у самого богатого человека страны Сергея Крупенина?

Завод был выставлен на залоговый аукцион в 1995 году. Тогда правительство в отчаянных попытках залатать рассыпающийся бюджет решилось на распродажу жемчужин советской экономики, к тому моменту изрядно потускневших. Но, дабы не травмировать чувства наивных граждан, продажу замаскировали под кредит. Формально правительство просило деньги у предпринимателей в долг под залог государственных предприятий. Кто предложит больше, тот и получает право кредитовать правительство. Но кредит оно отдавать не собиралось, поэтому через некоторое время заводы должны были перейти в собственность новых владельцев, теперь уже навечно. Понятно, что развернулась нешуточная борьба, но не совсем такая, которую ожидали молодые реформаторы, придумавшие эту оригинальную схему. Наивные люди, они думали, что покупатели начнут конкурировать и ставки вырастут, а заводы уйдут по высокой цене. Но получилось совсем не так.

На следующий день после объявления аукциона в центральной газете появилась статья генерала ФСБ Крюкина, в которой рассказывалось о тайном заговоре спецслужб запада, вознамерившихся скупить все стратегические предприятия России. В статье не было прямых обвинений, но внимательному читателю несложно было догадаться, что, по версии генерала, залоговые аукционы были первым шагом зловещей многоходовки младореформаторов, а конечная ее цель – продажа родины на запад. Вечером того же дня президент страны потребовал не допускать иностранцев к участию в аукционах. Реформаторы уже тогда поняли, что затея провалилась, ведь только у иностранных компаний хватало средств, чтобы «разогнать» цены на аукционе. Российские олигархи тогда жили на кредитах, предоставляемых им тем же правительством, то есть своих денег не имели. Неучастие иностранцев означало, что цена, по которой уйдут предприятия, будет в лучшем случае вдвое меньше той, на которую рассчитывали правительственные экономисты. Реальность оказалась еще хуже.

Борьба была ожесточенной и кровопролитной, но закончилась она до начала аукциона. На самом аукционе предлагаемые активы интереса не вызвали. На каждый завод было ровно по два претендента, один из которых отказывался от борьбы уже на втором шаге торгов. Все предприятия ушли почти по стартовым ценам, впятеро дешевле того, что организаторы обещали президенту. Да еще и заплатили деньгами, ранее взятыми в долг у того же государства.

Магнаты рассудили, что вместо того, чтобы конкурировать, можно договориться и разделить между собой лакомые куски.

Конечно, договоренности эти были достигнуты не без труда, но подробности были известны лишь участникам.

Единственным исключением стал алюминиевый завод. Осведомленные люди намекали, что Крупенину, которому он по итогам договоренностей достался, Гасанов этого не простил. Сразу после аукциона он начал информационную кампанию против соперника, рассчитывая, что ему удастся убедить президента: отдавать завод Крупенину было ошибкой, под руководством олигарха он окончательно развалится, а Россия потеряет рынок алюминия навсегда.

Но Крупенин не только дал ответный залп из всех своих СМИ, но и в спешном порядке начал модернизацию завода, и уже через полгода под прицелами телекамер принимал президента в реконструированных цехах, среди улыбающихся рабочих. Президент размяк от возлияний и угощений, произнес прочувствованную речь об эффективных собственниках, а вернувшись в Москву, сразу назначил Крупенина вице-премьером, ответственным за развитие промышленности.

Гасанову пришлось отступить. И вот теперь Дима с изумлением читал проект договора, который прислали юристы Крупенина. По нему весь пакет акций переходил в собственность корпорации «Просперити», той самой, ради которой он ездил в Амстердам. Дима не очень разбирался в экономике, но подозревал, что сумма, указанная в договоре, не совсем соответствует рыночной цене предприятия. Но еще более удивительным был второй договор, по которому Крупенинский банк выдавал кредит корпорации «Просперити» как раз на сумму, равную стоимости завода. То есть Крупенин не просто продавал завод заклятому врагу, но и давал ему деньги на эту покупку. А у Димы в руках была доверенность на управление всем этим богатством. В один момент он стал олигархом. Только вот богачом себя не чувствовал.

Вслед за алюминиевым заводом пошли другие. К следующему месяцу на балансе «Просперити» уже числилось две дюжины крупнейших предприятий страны, а капитал перевалил за триллион долларов. Причем схема всегда была одна и та же: сначала от владельца предприятия поступают кредитные деньги, а затем они идут на покупку заводов и месторождений. Дима сидел на работе почти круглые сутки. И потому что работы было действительно много, и потому что после расставания с Ольгой незачем и некуда было спешить. К тому же ему стало казаться, что в последнее время за ним наблюдают. Это его не слишком удивило: человека с доверенностью на управление триллионом долларов не стоило оставлять без присмотра.

Жизнь протекала как в тумане. Дима постепенно все глубже проваливался в ощущение нереальности происходящего. Его подавляли огромные суммы, с которыми приходилось иметь дело, а временами охватывал страх – конечно же, он понимал, что стал участником чего-то ужасного. Но этот страх быстро сменялся привычной апатией. Дима чувствовал себя роботом без души, эдаким дополнительным соглашением, необязательным приложением к основному договору займа жизни.

Его роман с Марией получился столь же стремительным и внезапным, как и карьерный взлет. Впрочем, он был и настолько же ненастоящим, как и богатство, которым Дима распоряжался.

Мария работала в финансовой службе, именно она занималась бухгалтерией корпорации «Просперити». Дима знал, что ей уже за сорок, но знал это из документов – выглядела она великолепно. Темноволосая, среднего роста, она неукоснительно соблюдала принятый в банке деловой дресс-код: темный низ, светлый верх. Правда, на ее фигуре даже консервативная одежда выглядела фривольно, бросая вызов корпоративным стандартам. Она работала в банке со дня его основания и, поговаривали, раньше она была любовницей самого Гасанова.

В последнее время Диме приходилось часто общаться с Марией по делам корпорации, но он по-прежнему робел в ее присутствии.

Их роман начался, как в дешевом сериале. Был вечер пятницы, сотрудники расходились с работы раньше обычного. Кто постарше – отправлялись на дачи, молодые встречались с друзьями в кафе, а потом шли в ночные клубы. Диме спешить было некуда. Раньше, с Ольгой, он пошел бы в ресторан или в театр. Поэтому теперь особенно остро чувствовал одиночество именно по пятницам и старался загрузить себя работой, благо недостатка в делах не было – документы на огромные суммы текли рекой. Он посмотрел на часы – уже половина десятого, – и начал собираться домой, когда дверь его кабинета открылась.

После нового назначения его перевели из общего зала в отдельный кабинет. Небольшой, но уютный. Коллегам Димы совсем не обязательно было быть в курсе дел «Просперити».

Мария стремительно вошла и, не говоря ни слова, обняла Диму и поцеловала его. Ошарашенный Дима опомнился, только когда почувствовал ее мягкий язык у себя во рту. Его будто ударило током – сказались месяцы напряжения, ноги подкосились и он рухнул в кресло. Мария все также молча опустила перед ним на колени и начала расстегивать брюки. Уже через секунду ее лоб плотно прижался к его животу. Шок от неожиданности и возбуждение смешались в такую гамму чувств, что Диме показалось, будто сознание разделилось надвое, и пока одна частичка вместе с телом бьется в агонии чувств, другая со стороны наблюдает за происходящим. «Может быть, я умер», – подумал Дима, – «и душа покинула тело». Странно, но мысль не вызвала у испуга. В этот момент он кончил, и две частички души снова объединились в бьющемся в оргазме теле.

Мария облизала губы, сказала лишь «Пока, милый», и вышла из кабинета. Ошарашенный Дима так и остался сидеть с расстегнутыми брюками.

В понедельник Мария ни словом не обмолвилась о произошедшем. Лишь вечером позвонила из переговорной и попросила зайти.

Открыв дверь, Дима увидел Марию, стоящую спиной ко входу. Вернее, она лежала грудью на столе, юбка ее была закинута на плечи, а трусики (лиловые – отметил Дима) спущены до колен. Просунув руку между ног, Мария ласкала себя и тихо постанывала. Теперь уже Дима действовал стремительно.

С этих пор почти каждый вечер они занимались любовью. Они почти не разговаривали, но Мария каждый раз придумывала что-то новое. Дима знал, что в офисе повсюду камеры, и об их развлечениях все известно, но старался об этом не думать. Фантазия Марии была неисчерпаема, и когда неудобная офисная мебель стала ограничивать ее идеи, они сняли квартиру неподалеку от офиса, где и предавались своей странной любви. Дима по-прежнему ничего не знал о Марии. Есть ли у нее муж и дети? Он не решался спросить, но догадывался, что семья у нее есть, так как она никогда не проводила с ним выходные.

Большие деньги, которыми они управляли, похоже, влияли на их отношения, сводя с ума и провоцируя на безумства.

– Мне иногда кажется, что мы с тобой – последние люди на земле, – как-то сказала Мария. Она лежала в кровати и курила. – Все куда-то ушли, а нас забыли.

Дима промолчал. Поле секса с Марией он часто думал об Ольге, которая не была такой умелой и опытной, но ее он действительно любил. Понимая, что роман с Марией лишь опустошает его, сил позвонить Ольге он в себе не находил.

Утром в центре города в «Старбаксе» всегда многолюдно. Занятые люди предпочитают деловые завтраки в кофейнях, где не надо ждать, когда приготовят и подадут еду, а потом принесут счет. Нет ничего более неприятного, чем, закончив обсуждение деловых вопросов, томиться, обмениваясь с собеседником ненужными и пустыми фразами. В кофейне же можно взять кофе на вынос, а закончив разговор, немедленно разойтись. Так, по крайней мере, рассуждал Тимур. Но назначать сегодняшнюю встречу в «Старбаксе» было ошибкой. Они пьют уже третий латте, до конца разговора еще далеко, а Тимур ошарашен открывшейся перед ним картиной.

Тимур зашел в кафе без четверти восемь, но Алексей уже сидел за столиком и читал «Ведомости». За несколько лет, прошедших с их последней встречи, Данц почти не изменился. Он носил такой же серый костюм, правда, теперь явно сшитый по мерке, а не купленный, пусть и в дорогом магазине. Такая же белая рубашка и туристические ботинки – неизменным сочетанием белой рубашки с походной обувью Алексей удивлял всех еще в «Депю». К тому же он никогда не носил портфели, предпочитая походный рюкзак. Видимо, эта экипировка напоми-

нала ему о в временах студенческих стройотрядов. Когда Тимур вошел, Алексей как раз рылся в черном рюкзаке из дорогой кожи.

Старые друзья поздоровались. Оба почувствовали грусть, невольно вспомнив былые времена, амбиции и планы. «Забавно, – подумал Тимур, – в принципе ведь мои самые смелые планы сбылись, только теперь они не кажутся такими смелыми и важными. Может быть, даже лучше, если не добиваешься своих целей, – меньше разочарования».

– Ну как карьера банковского аналитика, не разочаровала?

Алексей будто прочитал мысли Тимура и, как всегда, задал самый точный вопрос.

– Ну как сказать... По-разному бывает...

– Это понятно. Расскажешь, что тебя беспокоит?

«Вот так всегда. Не успел спросить, чем он сейчас занимается, как он уже перехватил инициативу. Вот что значит опытный переговорщик! А я ведь и правда понятия не имею, где он работает». Но Тимур, подавив раздражение, начал рассказывать. В конце концов, ведь это у него были проблемы, и о встрече просил он сам.

Все началось месяца четыре назад. Закончив анализ отчетности Крупенинского холдинга, он со спокойной душой написал клиентам рекомендации «покупать». Мало того, что результаты предыдущего квартала оказались выше ожидаемых, были и все основания полагать, что в дальнейшем позиции холдинга еще более укрепятся, так как мировые цены на алюминий продолжали расти. Вполне рутинная работа, разве что нечасто приходится читать столь профессиональную отчетность. Тимур вообще считал, что у Крупенина самая профессиональная команда управленцев на рынке. И поэтому был даже рад, что дела у компании идут хорошо. Рад совершенно бескорыстно – самому Тимур по этическим соображениям запрещено вкладывать деньги в акции, ведь он первым узнает о результатах и может совершать операции раньше клиентов. Поэтому банки внимательно следят за тем, чтобы аналитики не занимались торговлей сами и у них не возникало соблазнов исказить картину в своих целях.

Следующим утром Тимур заглянул в биржевой терминал, гадая, «пробили» ли крупенинские акции десятипроцентный рост, но так и застыл с открытым ртом. Акции уже упали на три процента, но что еще хуже, падение продолжалось. Было очевидно, что кто-то «сливает» холдинг. Такое случается, когда дела идут плохо и есть риск банкротства. Но кому это могло прийти в голову сейчас, когда явно ожидался рост, и, подождав всего пару недель, можно было бы продать дороже? Он было хотел позвонить знакомому из крупенинского холдинга и узнать, чем дело, но тут телефон зазвонил сам. Вице-президент хотел знать, почему накануне вечером его лучший аналитик дал рекомендации покупать, а на следующий день акции упали... уже на пять процентов. Тимур стоял на своем. Причин для беспокойства нет. Экономически компания устойчива, явно идет биржевая игра на понижение. А это означает, что чем ниже акции упадут сегодня, тем выше будет рост завтра, так что теперь его рекомендации была «покупать срочно». Босс согласился с логикой Тимура и даже дал команду трейдерам увеличить позиции по холдингу и докупить акций еще на 10 миллионов долларов. В следующие дни падение продолжилось, но катастрофа случилась неделю спустя. По обыкновению, утром Тимур читал деловые новости, и его как громом поразил заголовок: «Крупенин продает алюминиевый завод. Имя покупателя не раскрывается». Тимур замер. Завод – жемчужина в крупенинском холдинге, большая часть надежд была связана именно с ним. Мировые цены по-прежнему на подъеме, и именно крупенинский завод в скором времени вообще должен стать крупнейшим мировым производителем этого металла. Тимур внимательно прочитал статью, но ситуация так и не прояснилась. Деловые газеты, опасаясь судебных исков, перестали проводить собственные расследования и предпочитали перепечатывать пресс-релизы корпораций, в лучшем случае исправляя орфографические и стилистические ошибки. Этот материал не был исключением. Автор на разные лады повторял, что с целью оптимизации портфеля

совет директоров принял решение о продаже завода. Это позволит сосредоточиться на других, прорывных проектах. Сумма сделки тоже не упомянута.

Когда Тимур все-таки дозвонился до своего приятеля из холдинга, тот лишь сухо сообщил, что не может ничего сказать, и что официальная позиция компании изложена в пресс-релизе. Короткие гудки.

Шеф был в бешенстве. После продажи завода не могло быть и речи о том, чтобы акции вернулись хотя бы к прежним ценам. Клиенты, последовавшие совету Тимура, потеряли треть инвестиций, да и сам банк понес ощутимые потери. И Тимур почувствовал, что его начали подозревать в манипулировании рынком. Никто не понимал, как он мог так ошибиться.

С этого момента карьера пошла под откос. Тимур совершал одну ошибку за другой. Его проблема была в том, что он всегда старался сам делать вывод, а не следовать за другими, хотя знал, что многие из его коллег по цеху предпочитают простые решения: не утруждая себя расчетами, они говорили то, что от них хотят услышать.

Тимур так не мог. Вернее, он просто не умел определять, что от него хотят услышать.

Ему казалось, что на рынке возникло что-то такое, о чем Тимур не знает. Этакая аномалия, искажающая информационное поле, но невидимая глазу. Или гигантский невидимый пылесос, высасывающий деньги в неведомую черную дыру.

– Ты, конечно, посчитал, сколько акций холдинга слили в первые дни?

Алексей оживился – разговор явно заинтересовал его не на шутку.

– Конечно. У меня получилось что-то около полумиллиарда долларов.

– Ого! А за завод сколько заплатили, не выяснил?

Первоначально информация о сделке не разглашалась, но так как акции холдинга продавались на бирже, компания обязана была публиковать отчетность. И вот, спустя три месяца после обвала, Тимур наконец получил квартальный отчет. Открыл файл и оцепенел. Документ ни в малейшей степени не походил на обычные материалы Крупенина, которые отличались ясностью и четкостью. Вместо обычных пятнадцати страниц перед Тимуром был 500-страничный том, изобиловавший таблицами, сносками, ссылками на приложения. Тимур проработал с ним без малого сутки. Ему казалось, что если прерваться, то нить повествования этого путаного документа прервется и ему придется делать все заново. На улице уже рассвело, когда Тимур очередной раз перепроверил вычисления. По всему выходило, что за завод заплачено около 600 миллионов. Маловато, конечно, но все равно на сделку под давлением не похоже. Поначалу у Тимура было подозрение, что завод у Крупенина отняли какие-нибудь «силовики», тем более, что покупателя так и не назвали: хотя «отжимать» активы у публичных компаний не принято, но и исключать нельзя. Однако по документам получалось, что за завод заплатили, и немало.

– Ну, правильно, – перебил Алексей. – Смотри, они сначала продают акции, получают деньги, а потом покупают завод.

– Я тоже так подумал, но зачем это делать, если у тебя уже есть акции? Зачем продавать их с потерями, чтобы потом купить завод, который по сути и так принадлежит тебе?

– Незачем, если продавец акций и покупатель завода – один человек. А что если люди разные, но деньги одни и те же?

– погоди, ты хочешь сказать, что кто-то продал акции, получил деньги, а потом передал их покупателю, который и оплатил ими покупку завода? Все равно странно, зачем?

– Представим, что Крупенин решил вывести завод из холдинга. Он продает свои акции, дает деньги в долг посреднической фирме, а она покупает у него завод, возвращая его же собственные деньги. В итоге, у холдинга вместо завода вексель от фирмы-помойки на 600 миллионов. А помойка скорее всего завод уже перепродала и готовится к банкротству. Посмотри еще раз финансовый отчет Крупенина. Наверняка ты там увидишь подозрительные финансовые операции.

– То есть это афера Крупенина?

– Не обязательно. Ты мог быть прав насчет того, что это вынужденная сделка. Просто публичной компании спрятать рэкет нелегко, вот и пришлось выдумать такую схему. Но в любом случае, даже представить не могу, кто бы смог что-то отжать у Крупенина. И еще меня заинтересовала твоя идея насчет финансового пылесоса. Знаешь что, я, пожалуй, поговорю со знакомыми, может, чего подскажут.

У Тимура на душе стало легче. Алексей всегда умел внушить уверенность.

Мужчины попрощались.

Алексей перезвонил через два дня. Голос его звучал сухо и по-деловому.

– Привет. Мне пришлось спешно уехать по делам в Лондон. Тут прекрасная погода. По моему, тебе стоит взять отпуск и тоже приехать сюда. Тут на днях выступает U2, могу взять билеты.

– Спасибо за приглашение. Но я не планировал сейчас отпуск, так что, наверное, в другой раз... А кстати, удалось ли что-нибудь узнать о...

– Напрасно, напрасно – оборвал Тимура Данц. – Я настоятельно тебе рекомендую развеяться. Ты явно заработался. Все о своих рынках думаешь. Еще, наверное, и с малознакомыми людьми обсуждаешь биржевые колебания. А этого делать не надо, никогда не надо! В общем, звони, когда прилетишь.

Данц положил трубку, не дожидаясь ответа. Тимур встревожился. Это было очень не похоже на Алексея, и что означала фраза, что не надо обсуждать рынки с посторонними? Одно было понятно: Алексей явно не хотел говорить по телефону.

Наверное, придется ехать...

Тайное письмо

Письмо пришло с неизвестного адреса. В качестве отправителя была указана Ульяна Мирославовна, и вообще все выглядело как обычный спам. Вот только тема письма все-таки привлекла внимание. В заголовке значилось: «Лучший ресторан Москвы – пиццерия на Каширке!». Ольга сразу вспомнила их с Димой шутку для внутреннего употребления про «лучший ресторан Москвы» рядом с ее домом, где она однажды сильно отравилась и полгода не могла даже слышать про пиццерию. С тех пор выражением «лучший ресторан Москвы» они пользовались для обозначения всяких сомнительных тошниловок, например, «Куда пойдем сегодня вечером? В „Рагу“ или в лучший ресторан Москвы?».

Вместе им было хорошо и весело. Вспомнив о Диме, Ольга расстроилась. Она смирилась с тем, что они расстались, но все равно волновалась, и не только потому что от него не было никаких вестей – это-то дело обычное. Виной всему был странный гость.

Этот человек позвонил на работу недели три назад.

– Здравствуйте – приятный низкий мужской голос. – Ольга Морозова, если не ошибаюсь?

– Совершенно верно.

– Меня зовут Борис Иванович, мы могли бы с вами встретиться? Я как раз тут неподалеку от вашего офиса.

– Замечательно! Вы знаете, как к нам проехать?

– Конечно. До встречи!

Работая в аудиторской фирме, Ольга привыкла к причудам клиентов. Некоторые до последнего старались не упоминать название своей компании, видимо, полагая, что анонимно они смогут договориться о более низких гонорарах, некоторые перед встречей требовали всю информацию о GL Advisors, фирме, в которой Ольга работала уже три года. Бывало и такое, что клиент звонил за полчаса до встречи, вот как сейчас. Причем с равной вероятностью Борис Александрович мог оказаться как мелким жуликом, так и представителем Газ-

прома. Собственно, значительная часть работы Ольги и заключалась в том, чтобы верно оценить, с кем она имеет дело, задать нужные вопросы и подготовить договор на аудиторские услуги. Она с первого взгляда умела правильно оценить клиента и решить, стоит ли пойти на уступки или, наоборот, занять твердую позицию.

Но разговор с Борисом Александровичем складывался не совсем привычно. Не прошло и получаса, как позвонила секретарь с ресепшен и сказала, что посетитель ожидает Ольгу в первой переговорной. Это было несколько странно. У них в компании было восемь переговорных, по-разному оформленных и предназначенных для разных целей. Комнаты с четвертой по восьмую – небольшие и скромные, – предназначались для индивидуальных встреч с клиентами. Вторая и третья лучше всего подходили для больших групп и были оборудованы самой современной презентационной техникой. А вот первая переговорная – та только для очень важных встреч с очень влиятельными людьми. В отличие от всего остального офиса, выдержанного в современном минималистичном деловом стиле, эта комната была отделана дубовыми панелями, вдоль стен стояли полки с книгами, а из панорамного окна открывался вид на Москву-сити. Бронировать ее для встречи с клиентом нужно было заранее. Чтобы секретарь сама решила проводить гостя туда – таких случаев Ольга не припоминала. Хотя, может быть, все просто и другие комнаты заняты – подумала Ольга и, захватив папку с презентационными материалами, пошла на встречу.

Гость уже сидел в коричневом кожаном кресле и пил кофе. При появлении Ольги он встал и окинул ее пристальным взглядом. Ольга почувствовала себя неуютно. Она сразу поняла, почему секретарь решила отвести гостя именно сюда. Нельзя было даже помыслить о переговорах с таким человеком в комнате номер восемь с ее деловой обстановкой и ярким светом. Перед Ольгой стоял высокий мужчина под пятьдесят с седыми волосами, старомодно зачесанными набок, одетый в безупречный костюм из мягкой шерсти.

– Ольга Сергеевна, спасибо, что нашли время для встречи. Я не задержу вас надолго.

Откуда он знает мое отчество? – подумала Ольга. Как и в большинстве иностранных компаний, в ее аудиторской фирме отчества никогда не использовались. Благодаря профессиональному опыту Ольга умела подмечать мельчайшие особенности в поведении клиентов, и сейчас в ее голове звенел сигнал опасности. Посетитель был совсем не похож на того, кому срочно понадобились аудиторские услуги.

– Не стоит благодарности, я всегда рада встрече с потенциальным клиентом.

– Вынужден вас разочаровать, уважаемая Ольга Сергеевна, – посетителя, казалось, забавляла ситуация, – но даже обладая самой богатой фантазией, невозможно представить, что мне могут понадобиться аудиторские услуги. Ха!

Он усмехнулся каким-то своим мыслям и продолжил:

– Я к вам пришел по другому делу. Вы ведь знакомы с Дмитрием Кузнецовым?

Тревога охватила Ольгу. И сам вопрос, и тон, каким он был задан, содержали скрытую угрозу. Выдержки Ольге было не занимать, но странный посетитель все-таки застал ее врасплох. Мысли о Диме и без того выводили ее из равновесия, а когда им вдруг заинтересовался незнакомец...

– Почему вы спрашиваете? – голос предательски дрогнул.

– Да вы не переживайте, Ольга Сергеевна, все хорошо. Мы с Дмитрием коллеги. Просто у нас освободилась вакансия начальника юридического отдела, и мы хотим предложить эту должность Дмитрию Степановичу. Но по правилам нашего банка, перед тем как назначить человека на такую важную должность, необходимо убедиться в его безупречной репутации. Мы очень внимательно ко всем жизненным обстоятельствам наших ключевых сотрудников.

Несмотря на испуг, настал черед усмехнуться и Ольге. Все, что она знала о банке «Южный», говорило: если в этой организации и относятся внимательно к репутации, то скорее понимают под ней «авторитет» в терминологии 90-х годов.

– И что же вы хотите узнать от меня? Я не видела Диму уже три месяца.

– Я прекрасно знаю, Ольга Сергеевна, что вы с Дмитрием прекратили романтические отношения, но тем более ценна информация, которую вы могли бы дать. Ведь вы хорошо его знаете и более не связаны с ним никакими обязательствами, так что можете откровенно рассказать мне любые подробности о его жизни. Например, почему вы расстались?

– Не понимаю, какое отношение причина нашего расставания имеет к его назначению. И вообще, боюсь, мне нечего вам рассказать, даже если бы я вдруг и захотела делиться своими тайнами.

Гость пристально смотрел на нее. Ольга почувствовала в его взгляде уже не угрозу, а злость и... страх. Этот уверенный в себе, властный человек был испуган не меньше Ольги! Мысль придала ей сил.

– Думаю, наша встреча закончена. До свидания. Желаю вам не ошибиться в выборе начальника отдела.

– Хорошо, я уже ухожу. Последний вопрос – вы не знаете, как можно связаться с Дмитрием?

– Конечно, знаю, – Ольга уже окончательно оправилась от неожиданности, – он работает в банке «Южный», полагаю, если вы поспешите, то застанете его на рабочем месте. Или вы хотите сказать, что потеряли будущего начальника юридического отдела?

– Это неудачная шутка.

Теперь голос посетителя звучал зло и раздраженно.

– Лучше будет для всех, если я его найду раньше, чем другие. Так что если он выйдет на связь – вот мой телефон.

Он протянул ей визитную карточку. Теперь Ольга точно представляла, с кем имеет дело. Чекист может прикидываться влиятельным человеком, но в реальности он всегда на службе и всегда боится хозяина. Вот только во что вляпался Дима?

Проводив гостя, Ольга немедленно схватилась за телефон. Но мобильный Димы оказался выключен, а на работе сказали, что Дмитрий Степанович в отпуске.

Звонить общим знакомым Ольга не стала. Нельзя исключать, что ее гость организовал прослушку, а визит был лишь попыткой спровоцировать ее на поиски.

В любом случае было похоже, что Дима ввязался в неприятную историю, но ему удалось скрыться. Хотя долго ли можно прятаться от таких серьезных врагов – большой вопрос.

В любом случае, скорее всего она его больше никогда не увидит.

А рабочий день, конечно, покатился под откос. Сказавшись больной, Ольга поехала домой. По дороге прихватила бутылку серебряной «Ольмеки» – всем напиткам Дима предпочитал именно светлую текилу. Ольга тоже ее полюбила, особенно ей нравилось, как Дима слизывал соль с ее груди.

Этим вечером она оплакивала Диму. Вспоминала радостные моменты их жизни, и с каждой рюмкой горечь утраты становилась острее. Так она и заснула, в кресле, с недопитой рюмкой в руке. А у подъезда всю ночь стоял синий «Форд Фокус».

За три недели боль притупилась – и вот теперь это письмо. Ольга подумала, что если уже и спам напоминает о Диме, то дело совсем плохо. Тем не менее, послание прочитала.

«Лучшие рестораны Москвы на Каширском шоссе.

Все элитные заведения и Интернет кафе или кофейни с бесплатным wifi – приходите и подключайтесь.

Пластическая хирургия – удаление родинок без швов с внутренней стороны бедра или груди, анонимно без предварительной консультации.

Техника Apple со скидкой Покупай и подключайся к Интернет без дополнительных настроек.

Предсказания судьбы по дате рождения. Датарождения@gmail.com.»

Дойдя до середины письма, Ольга похолодела. С самого детства ей не давали покоя две родинки – одна на груди, другая на бедре. Она хотела их удалить, но боялась рубцов. Дима же не понимал причин для беспокойства, ему нравились эти родинки.

Это могло означать либо что она сошла с ума, либо что Дима пытается с ней связаться, но думает, что за ее компьютером и почтой следят. Поэтому он и написал про бесплатный WiFi.

Ну что же, понятно, что надо делать. Ольга быстро собралась – собственно, был уже поздний вечер – и пошла к лифту.

Этажом ниже лифт остановился. Вошел припозднившийся сотрудник, взглянул на Ольгу, печально улыбнулся и сказал дежурное: «Ну и денек!».

«Это точно!» – ответила Ольга и усмехнулась своим мыслям. Ей пришло в голову, что из директора по развитию бизнеса аудиторской фирмы она вот-вот превратится в этакую миссис Смит, рыскающую по Москве в поисках анонимного доступа в сеть.

Выйдя с работы, Ольга отправилась в ближайший торговый центр, где, следуя рекомендациям из письма, купила новенький iPad.

В ближайшем «Старбаксе» подключилась к сети и создала новый почтовый адрес на hotmail.

После этого начала писать письмо. Нужно было однозначно убедить Диму, что это она и за ней не следят. Но в конце концов решила написать просто: «Привет, дорогой. Как насчет текилы с солью?». В качестве адресата указала, как и было написано в письме, свою дату рождения.

Нажала «отправить» и замерла с чашкой капучино в руке.

Ответ пришел через пару минут. «Привет. Как же я рад!».

К середине сентября корпорация «Просперити» стала компанией, активы которой превысили триллион долларов. Если бы она была российской, то можно было бы ее назвать крупнейшей в России компанией. И никто не подозревал, что происходит буквально под носом! Тем более что бизнес-пресса теперь вообще старается не слишком лезть в дела олигархов и государственных компаний и предпочитает освещать заокеанские скандалы.

Дима был одним из немногих, кто понимал истинный масштаб событий. Не надо быть экономистом, чтобы видеть, что Гасанов при активной помощи со стороны остальных олигархов за несколько месяцев прибрал к рукам чуть ли не половину российской экономики. А управлял этим богатством он, Дима. Неудивительно, что теперь служба безопасности следовала за ним неотступно. Дима вполне отдавал себе отчет в том, что он в этой игре – пешка, а его жизнь чего-то стоит только пока действительно доверенность на управление компанией. Формальным учредителем оставался Лео Пак, голландский адвокат, но, понятно, это лишь временная схема. Рано или поздно компания перейдет к истинному бенефициару, и далеко не факт, что этим бенефициаром будет сам Гасанов. Каким бы влиятельным и могущественным ни был этот человек, Дима не сомневался: Алихан – такое же звено в цепи, как и он сам.

Поэтому, когда Борис Антонов сказал, что надо снова лететь в Амстердам, Дима не удивился. Настало время окончательно оформить собственность на корпорацию «Просперити». Тем более что покупки предприятий закончились, и уже неделю к Диме не поступало новых договоров. То есть, по всей видимости, план был выполнен.

Дима спросил было Бориса, как будет выглядеть процедура переоформления, но тот ответил, что адвокат все знает и Диме нужно лишь поставить подписи и забрать документы. Поэтому, соответственно, обратный билет куплен на тот же день.

В этот раз в Амстердам Диму сопровождал сам Борис и двое его коллег. Управляющему крупнейшей российской компанией купили билет в эконом-класс – Дима догадался, что таким образом его ставят на место. Антонов расположился в бизнес-классе, а Дима сидел на неудоб-

ном среднем месте между двумя молчаливыми сотрудниками службы безопасности в конце салона. В общем, кто тут главный, было ясно. Игры в олигархов закончились.

В Амстердаме их уже ждал черный минивэн с таким же молчаливым человеком за рулем. Борис сел на переднее сиденье, Дима – в салон, а напротив него расположились их спутники.

Водитель знал, куда ехать.

Автомобиль подъехал к уже знакомому офису, Борис обернулся к своим сотрудникам:

– Подождите в машине.

Вышел из машины и преувеличенно вежливо открыл Диме дверь. Вместе они прошли в офис. В этот раз адвокат ждал их прямо в прихожей.

Господин Пак был необычно серьезен. Он сразу пригласил гостей в кабинет. Однако Борис сказал, что подождет в коридоре. Видимо, таковы были инструкции Алихана. Хозяин не стал спорить.

Дима уселся напротив адвоката и увидел перед собой печального усталого мужчину, ничуть не похожего на того балагура, с которым он познакомился почти полгода назад.

– Да, молодой человек, вот так бывает в жизни... Ну, к делу. У вас есть деньги?

– Деньги? А сколько нужно? У меня есть 100 евро.

– Ну вот и отлично. Этим договором я продаю вам 100% акций компании «Просперити» за 100 евро. Подпишите здесь и здесь.

Дима, вспомнив, что он все-таки юрист, начал читать договор, составленный на английском и русском, но не нашел в нем ничего необычного. Разве что упоминались сертификаты акций в количестве 100 штук, каждый из которых эквивалентен одному проценту собственности компании. Дойдя до этого места, Дима вопросительно посмотрел на адвоката.

– Да, конечно, – похоже, Пак думал, что Дима лучше осведомлен о сути операции. Дима подумал, что из всех троих в этом доме он меньше всех понимает смысл происходящего.

Тем временем Лео Пак достал из ящика стола кожаную папку с тисненым логотипом компании «Просперити» и передал Диме.

– Вот, пожалуйста, пересчитайте сертификаты.

Дима расстегнул папку и достал стопку бумаг. Ничего подобного он раньше не видел. Каждая бумага была украшена виньетками и вензелями. На ней на русском и английском языках было написано, что обладатель бумаги владеет одной сотой долей имущества корпорации «Просперити», зарегистрированной в Голландии. Сертификат позволяет голосовать на собрании акционеров.

Дима пересчитал бумаги: их было ровно 100.

С обратной стороны на каждой располагались передаточные записи, удостоверенные нотариусом, согласно которым сертификаты передавались г-ном Лео Пак г-ну Дмитрию Кузнецову.

Диме следовало расписаться на каждом из сертификатов, после чего он отдал 100 евро адвокату и стал де-юре полноправным владельцем многомиллиардной компании.

Теперь он понял, почему в прихожей его ждал Борис Антонов, а в машине сидели еще два безопасника. О полноправности владения говорить не приходилось. Его роль – привезти документы в Москву, а там переписать на того, кого ему укажут.

Очевидно, вся схема была известна лишь Гасанову. Задачей Бориса было доставить Диму с документами в Москву, поэтому он и остался в коридоре – знать, что это за документы, ему не полагалось.

От этих мыслей Диму отвлек адвокат.

– Молодой человек, я был бы рад пригласить вас на ужин, но, полагаю, вас ждут неотложные дела в Москве. Желаю удачи и успешного возвращения. Очень надеюсь, что мы с вами еще увидимся.

Теперь он выглядел как архетипический старый еврей, несущий на плечах всю грусть веков. Диме даже показалось, что он в уголке глаза блеснула слезинка.

Он молча пожал протянутую руку и направился к выходу. Уже взявшись за медную ручку тяжелой дубовой двери, обернулся:

– Спасибо, Лев Семенович.

Как только Дима вышел из кабинета, к нему буквально подскочил Борис Антонов и приобнял за плечи:

– Ну, что, Димочка, поехали домой?

Дима понял, что больше никто не собирается делать вид, будто он важная персона. Он превратился в обычного курьера, который должен привезти документы, а потом...

Они вышли из здания и дошли до машины. Борис услужливо приоткрыл дверь, дождался, пока Дима заберется внутрь, потом сказал:

– Ребята, подождите пару минут, мне надо переговорить с товарищем адвокатом.

Дима снова оказался в компании молчаливых безопасников. Посмотрел на часы – до отлета оставалось чуть более трех часов. Достал смартфон. Интернет в роуминге стоил астрономических денег, но это уже было неважно.

Борис вернулся минут через пять. Устроившись на переднем сидении, сказал, обернувшись к пассажирам:

– Ну что, голубки, поехали!

Дима заметил, что обычно спокойный Борис сейчас был возбужден, он хлопнул по спине водителя и прикрикнул:

– Давай быстрее в аэропорт.

Дима уткнулся в экран смартфона.

London calling

Тимур часто бывал в Лондоне, хорошо его знал и любил его. Любил не как турист – ему нравилась атмосфера финансовой столицы мира. В Лондоне немного бросающейся в глаза роскоши, богатства и легкомыслия, но есть опыт и мудрость веков.

Отпуск Тимуру дали охотно. В глазах вице-президента читалось даже облегчение, что опальный аналитик целых две недели не будет мозолить глаза. В банках не любят неудачников.

Алексей забронировал Тимуру номер в отеле «Дуррантс». Ориентируясь по Google Maps на смартфоне, Тимур быстро нашел дорогу к гостинице, спрятавшейся в тихих переулках Вест-Энда, в 15 минутах от станции «Бонд-Стрит».

Войдя в двери, Тимур как будто переместился на пару столетий в прошлое. Тесный холл, крошечная стойка портье, лестница из темного дерева, покрытая лиловым ковром.

– Добрый день, меня зовут Тимур Муратов, на мое имя должен быть забронирован номер. Портье средних лет улыбнулся в ответ.

– Мистер Муратов, добро пожаловать в «Дуррантс». В баре вас ожидают. Вот ваш ключ.

Он протянул Тимуру длинный круглый ключ, к которому на цепочке была прикреплена массивная латунная гирька с гравировкой отеля. Тимур подумал, что магнитные карточки в таком заведении смотрелись бы неуместно.

– Мы отнесем вещи в номер, а вы можете пройти в бар налево по коридору.

Тимур поблагодарил и, оставив дорожную сумку, пошел в указанном направлении. Он попал в узкий коридор, по обе стороны которого располагались комнаты с креслами. В одной из таких комнат, у горящего камина, в глубоком кресле в темно-зеленую полоску сидел Алексей Данц.

Тимур поприветствовал своего старого друга, извинившись за задержку рейса.

– Нет ничего лучше, чем посидеть возле камина и подумать. Англичане завоевали полмира не потому что у них были пушки и корабли, а потому что у них были такие кресла, камин, чай и эль. Десять лишних минут размышлений с кружкой эля у камина избавят тебя от десятилетий ошибок и разочарований. Так что извиняться не за что – наоборот, я признателен «Бритиш Эйрвэйз» за лишний час размышлений. Присоединяйся.

После такой речи Тимуру было неловко нарушать молчание. Он сел, откинувшись, в кресло и прикрыл глаза.

Заботы прошлых месяцев отступили. Тихо потрескивал камин. В воздухе пахло деревом, пропитанным многолетним табачным дымом. Только когда повсеместно в Европе запретили курение в барах, появился этот удивительный запах. Как виски выдерживают в бочках из-под хереса так, что оттенок аромата дерева и хереса формирует букет, так и след тысяч выкуренных когда-то трубок создает неповторимый аромат, остававшийся спрятанным в клубах дыма на протяжении веков и теперь вырвавшийся наконец на свободу стараниями евробюрократов.

Когда в комнату вошел бармен, Тимур попросил кружку светлого пива. Отпив пару глотков, снова прикрыл глаза.

Минут через десять Алексей прервал молчание.

– Не хочешь снова поработать со мной? Я создал здесь инвестиционную компанию. Офис неподалеку. Я, конечно, не смогу тебе платить так же хорошо, как платили в твоём банке. Да и налоги в Англии повыше. Зато работа интересная.

– Звучит как дауншифтинг, – усмехнулся Тимур.

– Именно. Дауншифтинг это не когда ты спиваешься на побережье в праздности и отчаянии, а когда можешь себе позволить заниматься интересным делом за меньшие деньги. Но я не тороплю. У тебя на сколько дней отпуск?

– Я взял две недели. Думал побродить по лондонским паркам. Может, в Оксфорд съездить.

– Отлично. В общем, предлагаю тебе контракт на две недели. Я тебя знаю, ты не сможешь сидеть без дела больше пары дней, а я могу тебя занять. Тем более, что, похоже, нас с тобой интересует один и тот же вопрос. Правда, в моем замечательном предложении есть и ложка дегтя, так что я не рассчитываю, что ты неизбежно согласишься.

Тимур вспомнил про свои тревоги и занервничал.

– Алексей, тебе удалось что-то выяснить? И почему ты не захотел говорить по телефону?

– Выяснить удалось. Немного. Гораздо меньше, чем хотелось, но несколько больше, чем стоило.

– Не понимаю...

– Видишь ли, я стал обдумывать схему, которую мы с тобой обсуждали, и начал задавать вопросы. Нет, конечно не прямые. А так, все вокруг да около. Но и этого оказалось достаточно. Я вдруг обнаружил повышенное внимание к моей скромной персоне. Я не помешан на секретности, но базовые правила конспирации знаю. И когда в один день я сталкиваюсь с попыткой взлома почтового ящика, аккаунтов в Фейсбуке и Скайпе, да еще и замечаю наружное наблюдение – сомнений не остается. В общем я решил, что финансовыми историями лучше заниматься в Лондоне. Московский климат для них неблагоприятен. А ты, кстати, не замечал излишнего внимания к себе?

– Да нет. Я же ничем особо важным не занимаюсь.

– Мне кажется, история, на которую мы с тобой, вернее, ты наткнулся, гораздо серьезнее, чем кажется. Помнишь, как сотрудник службы безопасности «Востока» написал детектив?

Конечно, Тимур помнил. Бывший «безопасник» их конкурента написал книжку, в которой мешал совершенно фантастические выдумки с реальными историями из коммерческой практики. Книжка получилась паршивенькая, но Тимур, как и все остальные, знавшие, что к чему в этом бизнесе, с интересом читали рассказы о знакомых событиях.

– Так вот, ты знаешь, что через полгода после публикации он скоропостижно скончался от невыясненных причин?

– Нет. Не имел понятия...

– Судя по всему, кто-то из героев не оценил литературные достоинства этого шедевра.

– Но там ведь ничего такого не было – так, обычный трэш.

– В том-то и дело, что ничего не было. И автору так казалось. Но иногда всего лишь употребив в одном предложении два имени, ты можешь знающим людям сказать больше, чем сам знаешь. Думаю, что тут примерно такая история и произошла. Вот и я, начав задавать определенные вопросы, привлек внимание.

– То есть мы рискуем, причем сами не понимаем, почему?

– Именно так. Причем на той стороне люди с иной логикой и иным образом мыслей, поэтому тебе стоит хорошо подумать, прежде чем принимать мое предложение. Обратного пути может не быть.

– А зачем тебе это?

– Видишь ли, мне кажется, я знаю, как на этой истории сделать деньги, и деньги немалые. А ты как первооткрыватель имеешь полное право поучаствовать.

– Не знаю, что сказать. Заманчиво, но страшновато.

– Тимур, это нормально. Нужно взвесить риски и потенциальные доходы. Ну а для начала предлагаю еще по кружке пива, а заодно проведем ревизию того, что нам известно.

Принесли еще по кружке. Тимур отхлебнул глоток и начал:

– Некто, назовем его Мистер Икс, покупает активы. Причем деньги на покупку берет у самих бывших владельцев. Очевидно, для продавцов эти сделки невыгодны, но никто не поднимает шума.

– Более того, задействованы значительные силы, чтобы скрыть эти операции.

– То есть можно предположить, что замешаны интересы государства, вернее отдельных его представителей. Такого масштаба сделки невозможно провести без ведома Центробанка, антимонопольщиков и Минэкономики. Ну а прикрытием занимается как минимум ФСБ.

– Тогда контролировать все это должны на самом верху.

– В общем, немного, в основном – догадки. Главное нам еще предстоит узнать, – подытожил Данц.

– Кто такой Мистер Икс?

– Нет, для нашего дела это как раз неважно. Мы же не следователи и не борцы за социальную справедливость. Мы сможем заработать, если вычислим структуру портфеля загадочной компании мистера Икс. То есть если узнаем, на какие активы обезжирили наших олигархов. Именно этим я тебе и предлагаю заняться. Нужно просмотреть все доступные отчеты и новости и попытаться вычленивать то, что нам нужно. А сама личность Мистера Икс нас интересует в меньшей степени.

– А что за схему ты придумал? Как тут можно заработать?

– Об этом – позже. Пока обдумай мое предложение. И когда согласишься, я тебе все подробно расскажу. Сейчас лучше отдохни с дороги. Давай снова встретимся завтра и за завтраком еще раз поговорим. Мой офис тут недалеко, и я люблю сюда заходить на завтрак перед работой. В восемь утра буду тебя ждать.

Попрощавшись с Алексеем, Тимур погрузился в размышления. Предложение его пугало. Было трудно решиться бросить привычную работу ради авантюры. Но, с другой стороны, не так часто открывается возможность поработать в финансовой столице мира, да еще и под руководством такого человека, как Данц.

Спать Тимур отправился с уже созревшим решением. Ночь, тем не менее, покоя не принесла. Мешали звуки шагов в коридоре, скрежет старинного лифта. Даже старинная мебель, казалось, тоже жила своей жизнью. Что ж, подумал Тимур, радовался аутентичности – вот тебе аутентичность.

Получив ответ от Димы, Ольга вздрогнула и вздохнула с облегчением. Она до последнего сомневалась в реальности происходящего. Она боялась, что обычно трезвый разум стал ей изменять, и если она начала видеть смысл в спамерской рассылке, то скоро может услышать и голоса в голове.

«Что с тобой произошло?» – написала она.

Дима снова ответил через минуту.

«Очень тебя прошу немедленно приехать ко мне. Дело очень важное. Никому не говори про меня, просто возьми отпуск и приезжай. Ты купила новый планшет?».

Если бывший бойфренд, который пропал месяц назад и которого разыскивают влиятельные люди, просит приехать, речь явно идет не о романтическом свидании. Поэтому нет смысла спрашивать зачем, требовать объяснений и ссылаться на важные дела. Тут надо или соглашаться, или сразу отказываться и прекращать переписку. Ольга задумалась. В принципе за пару дней она могла закончить на работе все горящие дела. Кроме того, в отделе кадров ей уже неоднократно напоминали, что пора взять отпуск – неиспользованных отпускных дней накопилось уже больше сорока. То есть в принципе она свободна. Другое дело, что Дима, похоже, вляпался в нехорошую историю, и Ольге совсем не хотелось вляпаться в нее же. Но куда деваться? Ольга на секунду представила, что отказывается, и поняла: она просто не сможет простить себе, если бросит Диму в отчаянном положении. А в том, что его положение отчаянное, если не безнадежное, она не сомневалась. Ольга разозлилась. В их отношениях с Димой она часто чувствовала себя загнанной в угол, чувствовала, что у нее нет выбора. Это проявлялось даже в мело-

чах. Причем Дима не был диктатором по натуре, просто обстоятельства складывались таким образом, что деваться было некуда. Примерно, как сейчас.

«Да, как ты написал. Куда приехать?».

В ответ Дима прислал то, что, судя по всему, было адресом. По обилию умляутов и других странных символов Ольга решила, что это где-то в Дании. Но решила все-таки уточнить.

«Где это?».

В ожидании ответа, чтобы не терять времени, вбила адрес в поисковую строку Google. Дима и поисковая система ответили почти одновременно.

«Исландия, 50 км от Рейкьявика», – написал Дима.

Google показал точку на карте.

Ольга ошарашенно смотрела на экран и не верила своим глазам. Как Диму занесло в это странное место?

«Лететь можно через Лондон или Копенгаген. Это не так далеко. Только бери побольше теплых вещей, здесь очень холодно».

Еще не придя в себя от полученной информации, Ольга ответила:

«Смогу вылететь послезавтра, 16 октября. Как куплю билеты – напишу тебе!».

«Нет, ни в коем случае. Прилетай, бери такси и приезжай по этому адресу. Купи, пожалуйста, по дороге продукты и что-нибудь теплое для меня. Размер ты помнишь, только я с тех пор немного похудел. Запиши адрес на бумажку, а с планшета все сотри. Зайди в настройки и сделай сброс системы. Будь очень осторожна».

Человек, находящийся в исландской глубинке, просит привезти продукты и теплые вещи...

«Оля, дорогая, я почти месяц все обдумывал. Это единственный вариант».

«Хоть намекни, чем дело?».

«Не могу. Все – при встрече. Не забудь стереть все с планшета. Очень надеюсь тебя увидеть шестнадцатого».

«Ок», – ответила Ольга. Пока айпад добросовестно стирал следы переписки, она допила кофе.

На следующий день она пожаловалась коллегам, что давно не была в отпуске. К середине дня у нее уже были билеты в Рейкьявик через Лондон, а начальница отдела кадров с радостью утвердила заявление на отпуск.

Оказалось, что это не так далеко, как ей казалось, – лишь три часа лета от Лондона. Этим летом она уже летала в Англию, так что британская виза у нее была. С шенгенской еще проще – последний раз во французском посольстве ей поставили визу на 3 года, так что проблем с въездом в Исландию у нее не возникнет. И билеты оказались недорогими – очевидно, октябрь в северной стране высоким сезоном не считался. Неудивительно, что Дима пожаловался на холод.

Шестнадцатого октября Ольга сидела в самолете «Бритиш Эйрвэйз». Несмотря на часовую задержку рейса, Ольга благополучно успела на стыковку в Рейкьявик.

Еще в Москве она нашла местную транспортную компанию и заказала трансфер из аэропорта по адресу, который прислал ей Дима. Услуги такси оказались недешевы – почти 150 евро. Столько же стоил авиабилет из Лондона в Рейкьявик, но деваться было некуда. В Москве же она купила Диме теплую куртку, штаны и шапку. У нее тоже не было подходящей одежды, так что она обзавелась и аналогичным комплектом и для себя.

Теперь она летела рейсом «АйсландЭр» в неизвестность.

Преследователь

Звонок раздался в половине первого ночи, но на Серезины звонки Борис был готов отвечать в любое время суток. Этого молодого человека бывшие сослуживцы порекомендовали Борису как лучшего специалиста по международным делам. Ему было чуть за тридцать, он говорил на нескольких языках и работал на скромной должности в Брюсселе в ООН. Формально занимался связями между российскими силовыми структурами и международными организациями.

На первой же встрече Сереза был предельно конкретен: он готов найти нужного человека, но разбираться с ним будет сам Борис самостоятельно. Сереза лишь найдет его следы и сузит поиск. За это он возьмет два миллиона долларов авансом и еще три по успешному завершению работы. Пять миллионов нужно сразу зарезервировать на счету в кипрском банке. Плюс, при необходимости, оплата дополнительных расходов.

Борис несколько удивился таким запросам, но у него не было времени даже торговаться, поэтому он с ходу принял условия и в тот же день перевел деньги со специального тайного счета банка «Южный».

Сереза смог получить копии записей с камер наблюдения копенгагенского аэропорта «Каструп» за 12 сентября. Сотрудники нанятой им израильской компьютерной фирмы пытались по записям камер восстановить действия объекта в аэропорту. Они достаточно быстро обнаружили Диму на выходе с рейса из Амстердама. Это было несложно. А вот затем началась кропотливая работа. Сначала нужно было смоделировать план аэропорта с расположением всех камер и синхронизировать записи по времени. Компания использовала свое собственное уникальное программное обеспечение, созданное именно для таких целей. На подготовительную работу ушла почти неделя. Но зато по завершении моделирования программа за считанные часы могла восстановить перемещение любого человека по зданию аэропорта. Израильцам пришлось создать полную цифровую копию аэропорта со всеми переходами, коридорами, источниками света и окнами. Для корректного распознавания необходимо точно знать, как падает свет. Уникальные алгоритмы основывались не только на распознавании лиц, но и умели определять характерные особенности движения людей. Поэтому для того, чтобы отследить перемещения человека нужно было, чтобы его лицо хотя бы один раз попало на камеру. После этого, было достаточно съемок со спины или сбоку.

Все крупные города мира покрыты плотной сетью видеокамер наблюдения, которые каждый день записывают миллиарды часов видео. Практически все уличные преступления так или иначе фиксируются этими камерами. Вот только найти нужный момент на нужной камере невозможно, если не знать, что и где искать. Израильские ребята поставили задачу создать такую систему, которая обрабатывала бы данные видеокамер и могла бы точно сказать где был и что делал любой человек в любой момент времени, а также отследить перемещение каждого от камеры к камере. Система пока была далека от завершения, но существующие алгоритмы позволяли моделировать относительно простые ограниченные пространства типа торгового центра или аэропорта. Для моделирования целого города пока не хватало вычислительных мощностей, но разработчики не сомневались, что уже через пару-тройку лет можно будет запустить эту систему в Тель-Авиве. Энтузиасты полагали, что это позволит окончательно решить проблему терроризма, так как система моментально обнаружит любого из списка подозреваемых и скажет, где он сейчас находится.

Банку «Южный» услуги израильтян обошлись дополнительно в полтора миллиона долларов.

Борис не очень верил в современные технологии. Он предпочитал старые проверенные методы, однако обыск дома у Димы и слежка за его знакомыми не дали ровным счетом ника-

ких результатов. Антонов лишь выяснил, что за последние полгода Дима ни с кем не общался. Большинство Диминых знакомых, с которыми говорил Борис, утверждали, что ничего не слышали о нем уже пять месяцев. Последней надеждой была бывшая девушка Димы, некая Ольга Морозова, поэтому на встречу с ней Борис поехал сам, а не послал помощника. И снова мимо: Борис был уверен, что она не только понятия не имеет, где Дима, но и не в курсе того, чем он занимался последние месяцы. На всякий случай Борис установил за ней наблюдение и попросил коллег из центра «К» поставить на мониторинг ее электронную почту и телефон, не очень, впрочем, веря в результат.

И вот наконец, через три недели, когда Борис был уже в отчаянии, Сережа позвонил. Его израильские подрядчики прислали подробный протокол перемещений объекта по аэропорту.

– Мы его нашли. 12 сентября в Копенгагене он сел на рейс до Рейкьявика. Уверен, что он все еще там. Его виза просрочена, он в ловушке.

– Спасибо, Сережа!

– Спасибо будет, когда вы его найдете, а я получу свои три миллиона. К сожалению, в Исландии я тебе помочь не могу, так как там нет спецслужб в принципе, а сказки про страшных террористов, из-за которых нужно следить за всеми, эти селечники просто не понимают. Мы даже на «АйсландЭр» надавить не смогли, пришлось подкупать персонал, так что с вас дополнительно пятьдесят тысяч евро. Зато теперь они готовы выдавать нам списки всех пассажиров до окончания веков.

– Понял. Значит вылетаем в Исландию.

– Успехов. Звоните, если что.

Борис набрал номер Гасанова.

– Олег Иванович, я его нашел!

Следующим утром Борис с двумя своими сотрудниками летел в Копенгаген. На этот раз его сопровождали уже не те дуболомы, которые облажались в Амстердаме. Эти были из нового поколения чекистов, молодые люди с хорошим образованием. Они обошлись Борису недорого: каждому он обещал по 30 тысяч долларов за месяц работы, но это мелочи, а вот их начальнику за то, что дал им отпуск за свой счет, пришлось отстегнуть полмиллиона.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.